

Здравствуй, это я!

Леся Данич

Здравствуй, это я

<https://litres.ru/74253519>

SelfPub; 2026

Аннотация

На что вы готовы, чтобы вернуть самое дорогое, что было в вашей жизни? Узнать все самые тяжёлые семейные тайны? Заключить сделку с неизвестной силой? Разрушить мир? Или лучше сказать "нет" и "прощай"? История, начавшаяся как семейная драма, перерастает в глобальный конфликт, и спрятаться от самого важного решения для человечества не получится даже если ты ничем не примечательный человек, который хотел обычного тихого счастья.

Леся Данич

Здравствуй, это я

Глава 1

Глава 3

Эвелин стоит на пороге гостиной и наблюдает как её мать, стоя за кухонным островом, готовит завтрак.

В свете июльского солнца, пробивающегося сквозь льняные занавески, виден пушок её волнистых волос. На щеках матери розовеет румянец, как это бывает всегда, когда она занята чем-то приятным.

«Готовить своим девочкам, — как она сама любит повторять, — прекраснейшее из удовольствий».

Из радиоприёмника позади на окне ведущий утренней программы вполголоса рассказывает, как эффективнее провести предстоящие выходные.

Ма нравится, когда радио «бубнит» ровно на той громкости, чтобы можно было спокойно думать о чём-то своём или разговаривать, но если зайдёт речь об интересном, то, немного прислушавшись, уловить суть.

Эвелин это всегда раздражало. Ей казалось — это лишь усложняет жизнь. Ну правда, какая ерунда: включать радио так, что любой звук мешает разобрать, о чём там говорят?

Сейчас молодая женщина не обращает на это внимание. Ей нравится настроение, с которым мать делает простые вещи.

Мимо неё проскальзывает дочь и усаживается на высокий стул возле бабушки. Она кладёт подбородок на сложенные друг о друга ладошки и говорит, привычно вытягивая гласную:

— Ба-а!

Миссис Вейл решает подшутить над девочкой, и пальцем оставляет мучной след на кончике носа. Ребёнок заливисто смеётся, окунает ладошку в горстку муки и тянется к лицу шутницы. Та подставляет щёку и смешно оттягивает губы, сложенные трубочкой.

Обе, бабушка и внучка, словно не замечают Эвелин, продолжающую стоять в дверях. Она, боясь нарушить идиллию, не торопится к ним присоединиться. Женщина опирается о дверной косяк и наслаждается моментом.

«Как чудесно, что этот кошмар оказался всего лишь сном. Вот они, мои любимые, рядом. Сейчас мы сядем за стол, будем есть блинчики с мёдом. Ма снова скажет, как она устала от соседки миссис Стэнтон, которая в сотый раз залила водой её розарий. — Эвелин невольно улыбнулась, представив, как недовольно поджимает губы при этих словах старушка. — Наверняка будет ждать, что я стану говорить, будто она сама виновата. Но я её удивлю. Скажу, что она абсолютно права, а миссис Стэнтон та ещё мерзавка. Хотя нет, при ре-

бёнке лучше не говорить этого слова. Ах, ма, зачем мы раньше так часто спорили?»

Мать Эвелин подставила низенький табурет для девочки — показать, как надо наливать тесто, чтобы получился идеальный блинчик. Женщина отметила, как смешно сложился гармошкой лоб у дочки от того, как она высоко подняла брови.

Ей захотелось принять участие в их веселье, но как только она оторвалась от дверного косяка, как мимо неё в кухню прошёл третий человек.

Эвелин буквально остолбенела от неожиданности. Ноги словно приросли к полу, а сердце ухнуло куда-то вниз тяжёлым бесполезным комком. И даже не потому, что незнакомец, а точнее, незнакомка появилась ранним утром в их доме, хоть это и было странно. Нет. Больше всего её поразило то, с какими лицами встретили загадочную гостью родные люди.

Она не видела лица вошедшей. Эвелин была с ней, судя по всему, одного роста, но волосы были длиннее на три ладони и куда темнее. Ухоженные, блестящие волосы эффектно струились по спине незнакомки, когда она наклонилась к её дочке, чтобы обнять. Миссис Вейл с нежностью посмотрела на вошедшую и послала ей губами воздушный поцелуй.

— Что здесь происходит? Ты кто такая? — возмутилась Эвелин, будучи не в силах наблюдать за тем, как кто-то крадёт внимание её любимых.

Ей показалось, что дочь и мать впервые заметили её присутствие. Они изумлённо посмотрели на проём двери, где стояла Эвелин. Мать, вроде как даже с некоторым разочарованием.

Девочка с любопытством вытянула шею, глядя на Эвелин, но не более. Будто она была гостем в этом доме. Это окончательно вывело женщину из себя, и она подошла к незнакомке, с силой рванув ту за плечо.

В следующий миг она одёрнула руку так, словно по неосмотрительности сунула её в кастрюлю с кипятком.

Незнакомка ещё не повернулась до конца, как Эвелин уже поняла, что она смотрит на саму себя.

Свою копию, только улучшенную.

Наверное, именно так Эвелин выглядела, если бы не пережила развод, не работала по десять часов в сутки шесть дней в неделю, если бы у неё оставалось время на салон красоты, и ещё с десятков «если бы».

Как только оцепенение прошло, Эвелин, откинув логику, хорошее воспитание и любые попытки выглядеть достойно, как вечно требовала ма, жёстко, едва ли не рыча, выдала нахалке:

— Пошла вон!

И она проснулась.

Последнее слово застыло на губах. Очевидно, она произнесла это вслух и достаточно громко, чтобы разбудить саму

себя.

Эвелин обхватила голову.

Это был сон. Значит, кошмар закончился. Значит, другой кошмар продолжится.

Она скомкала одеяло и прижала к животу, свернувшись в позе эмбриона. За окном монотонно барабанил дождь.

Женщина сосредоточилась на этом звуке, и постепенно он заполнил собой всё, выдавив неприятные воспоминания об услышанном на похоронах, о прочитанном в дневнике, об увиденном во сне.

Остались только капли дождя, глухо бьющие по кленовым листьям, падающие на черепичную крышу. А ещё далёкий, одиночный перезвон стеклянных подвесок у большого входа в дом.

Музыка ветра, купленная на фестивале много-много лет назад, когда Эвелин была девчонкой и верила, что у неё всё будет лучше, чем у матери.

Будет прекрасный муж, что не растворится однажды вместе со своим автомобилем в ночном дожде. Не бросит жену и ребёнка со множеством вопросов, на которые не будет ответа. Муж, которому можно будет сказать всё-всё, даже такое, что и дневнику доверять боязно — вдруг прочтут.

Ну вот, опять она вспомнила про дневник!

Последнее вообще не укладывалось в голове. Кто такая Лилит? Почему у неё такой же почерк? Чтобы убедиться в этом, Эвелин настроила камеру телефона на увеличение,

также как она это делала, когда читала этикетки с мелким шрифтом.

Хвостики букв «l» и «n», палочки «h» и «b» у неё были характерными, ни с кем не спутаешь. В них заключался характер Эвелин: нетерпеливый, излишне категоричный. Заглавная «С», которую она решила украсить завитушкой в детстве, сохранила свой помпезный вид на долгие годы, став лишь простоватее из-за вечной спешки. Но по этой букве в документах почерк Эвелин безошибочно узнавали все коллеги, признаваясь, что такую подделать сложно.

Запись в дневнике с этой точки зрения выглядела безупречно. Словно она сама написала послание и забыла о нём.

Забыла? Могло ли такое быть? Женщина подошла к окну, пытаясь поймать лицом капли дождя, но край крыши, нависающий козырьком над чердаком, не давал этого сделать.

Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Эвелин схватила куртку, висящую на крючке у двери и выскочила на лестницу. Внизу лежала брошенная как попало обувь, она нащупала в темноте кроксы, сунула голые ступни в холодный пластик и открыла дверь.

Женщина ступала по мокрой траве. Та щекотала открытые пятки и норовила засунуть жёсткие тычинки в прорези тапок.

Всё как в юности, когда Эвелин, пробираясь на тайное

свидание с одноклассником Тони Скоттом, сбежала в босоножках через заднюю дверь, накрывшись тёмным пледом, считая, что так меньше шансов быть замеченной матерью.

Какая наивность! Ни одну мать таким не проведёшь. Ей удавалось безнаказанно целоваться с Тони за цветочной аркой из роз лишь по одной причине: миссис Вейл не видела в этом ничего ужасного, а у девочки её возраста должен быть опыт безобидных свиданий, и лучше пусть это происходит под незаметным контролем матери.

Арка, увитая плетистыми розами, по прошествии двадцати лет осталась такой же прекрасной, чего не скажешь об Эвелин.

Она пошла к розам, словно хотела, поравнявшись с ними, лично убедиться в том, что она проиграла неравную борьбу цветам.

Не дойдя пару метров, женщина заметила, что за аркой кто-то стоит. На мгновение она напряглась, но потом характер взял своё:

— Эй, кто здесь? Какого чёрта вам надо?

— Это я, Эвелин, — послышался голос доктора Рэйвена.

— Вы? — удивилась она и взялась руками за мокрые зубья железной калитки. — Почему вы здесь, доктор?

Старик смущённо потёр глаза.

— Сам не знаю. Не спалось, мысли всякие одолевают. К тому же переживал за Мэри.

Такое объяснение Эвелин было понятно. Ведь она и сама

здесь по этой причине.

— Ма приняла успокоительное, она спит, — уверила она старинного друга матери.

Он покачал головой, очевидно, удовлетворённый новостью.

— Скажите, доктор Рэйвен, вы... — ей было неловко признаваться в своих подозрениях, что у мамы нелады с головой, но если уж и говорить об этом, то лучше с врачом. — Вы не замечали за мамой ничего странного?

— Что ты имеешь в виду? — старик резко посерьёзnel.

— Мне показалось, что ма... как бы это сказать... заговаривается, — наконец выговорила она, и ей сразу же стало легче, словно часть забот легли на плечи другого человека.

Доктор Рэйвен сделал шаг вперёд и положил ладонь поверх её руки. Его рука была сухой и тёплой, как в день, когда Эвелин очнулась в больнице. Глаза доктора были полны сочувствия.

— Мэри никогда не отличалась крепким здоровьем. Неудивительно, если произошедшее могло на неё повлиять. Давай просто присмотримся к ней и пока не будем делать выводов, ок? Возможно, всё ещё наладится.

От этих малоутешительных слов Эвелин стало зябко. Она хотела бы поплотнее запахнуть куртку и под благовидным предлогом вернуться в дом, но его ладонь продолжала лежать на её руке.

— Как ты, детка? — участливо спросил он.

Эвелин молчала, делая вид, что рассматривает розы.

Что ему ответить? Он ближайший друг семьи, к тому же врач. Может рассказать о кольце? Оно сейчас находилось прямо под его рукой, но он, по-видимому, не придавал значения женской безделице. О том, что она видит дочь? А вдруг он станет настаивать на консультации у психиатра? Ей бы для начала с мамой разобраться. Тут ещё дневник этот... Совсем уж неприглядная картина вырисовывалась. «Клиническая», — мысленно усмехнулась женщина.

— Доктор Рэйвен... — начала было она.

— Почему бы тебе не звать меня просто Рэйвен. Ты взрослая девочка, мы знакомы всю жизнь, — предложил старик.

— Рэйвен, — неуверенно повторила она, ей показалось, что это звучит достаточно уместно. — Вы знаете кого-нибудь по имени «Лилит»?

Лицо доктора не выразило никаких эмоций, но пальцы его сжались на руке молодой женщины. Под сухой кожей шевельнулась змея, кольнув хозяйку.

Эвелин пыталась разглядеть выражение глаз доктора, но густая тень под аркой скрывала большую часть лица. Губы старика вытянулись в лёгкую улыбку.

— Редкое имя, не припоминаю такую. А почему ты спрашиваешь? — голос Рэйвена был мягким и вкрадчивым.

Эвелин почувствовала страх быть раскрытой в своей маленькой постыдной тайне. Вдруг с ней на самом деле что-то не так? Кто ещё, кроме неё, мог оставить запись в дневни-

ке? Мать? Говорят, сумасшедшие умеют делать удивительные вещи. Наверное, и почерк подделывать тоже.

Но она пока не готова называть сумасшедшей свою ма, какими бы сложными не были их отношения. Да и себя причислять к психически больным тоже.

— Да так, ничего, — застенчиво улыбнулась она. — Пойду, пожалуй. Становится прохладно.

Эвелин попробовала отнять руку, и доктор нехотя, палец за пальцем, освободил её кисть. Она смотрела, как отгибаются старческие жилистые пальцы, и ей почудилось, что это лапки паука, прячущиеся в укрытие от солнечного света.

«Какой бред!», — сказала себе она, но по телу прошёл озноб.

— Я пойду, — повторила она. — Доброй ночи...Рэйвен.

В этот раз произнести его имя без приставки «доктор» оказалось сложнее.